

(VI, 607); об отставке 1789—1790 г. в тех же «Записках» снова сказано, что Державин «шатался по площади, проживая в Петербурге без всякого дела» (VI, 624). В заметке «Нечто о Державине» эти события не описаны вовсе.

В XVIII в. только некоторые писатели-сентименталисты, и среди них одним из первых М. Н. Муравьев, сумели противопоставить «праздность» службе как нечто положительное, как время, имеющее особую ценность, время расцвета и наиболее полного проявления творческих сил свободной личности.

Кроме того, для сентименталистов быть праздным, не служить, значило быть независимым. Для Державина же не служить значило быть лишенным возможности воздействовать своим творчеством на общество. Эта идея обладала для него огромной притягательной силой и, очевидно, у него были основания полагать, что степень этого воздействия на общество, которое его окружает, во многом зависит от чина и звания пишущего. Написание целого ряда стихотворных текстов Державин в автобиографиях прямо связывает с некоторыми внетекстовыми задачами и откровенно пишет, был ли достигнут намеченный результат. Так, к оде «На кончину благотворителя» Державин дает такой комментарий: «Отдана князю <...> Зубову, чем автор тонким и посторонним образом сему любимцу императрицы советовал быть благотворительнее и менее заниматься военною славою. <...> Но он, по обыкновению своему, не дал ему никакого отзыва, хотя всякий день с ним виделся».⁴⁹ Но воздействовать на екатерининское общество в качестве «частного лица», а, например, не в качестве личного секретаря императрицы или сенатора, Державин считал невозможным. Именно этим, а не верноподданническими чувствами был вызван восторг, с которым Державин писал, что Екатерина II назвала его «мой собственный автор» (V, 762).

Екатерина II находилась под влиянием распространенного в XVIII в. представления о тождественности службы монарху и службы обществу.⁵⁰ Не случайно после отставки 1784 г. она не просто вернула Державина на службу, но приблизила к себе одновременно и для службы ей и для «описания ее славного царствования» (VI, 612). Державин же, хотя и высказал в форме тезиса мысль, что «принятие на себя общественной должности есть невольничество пред народом и государем»,⁵¹ весьма специфически понимал свои обязанности перед монархом. Своей основной задачей он считал «давать уроки» царям.

И поэт для Державина это прежде всего тот, кто дает урок, говорит правду царям. К этой идее он возвращался неоднократно и не только в «Памятнике».

⁴⁹ Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (25), с. 119.

⁵⁰ Об отношении Екатерины II к писательскому труду см. также: Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. — Наст. изд., с. 111—112.

⁵¹ ГПБ, ф. 247, Державин Г. Р., № 2, л. 188 об.